

Диксон

Диксон! Сколько романтических чувств появилось у любого человека середины прошлого века, услышавшего это слово... И не зря.

Как зачаровывает своим тихим суровым величием северная природа! Сколь романтичны летние прогулки в окрестностях посёлка по цветущей тундре! Чарует взор разноцветье. В тундре нет блёклых цветов. Только насыщенные, удивительно яркие тона! Кто-то сравнил их вызывающую красоту с макияжем вульгарной женщины, живущей единым днём, — всё напоказ! Поросшие разноцветным мхом чёрные камни на изумрудной зелени травы, издали кажущиеся какими-то доледниковыми замершими существами. Кулички, посвистывая, проносятся рядом. Снуют туда-сюда пуночки. Лемминги выныривают прямо из-под ног. Где-то за каменной грядой беспрестанно кричат чайки. И над всем этим великолепием такое бесконечно прозрачное небо, что, кажется, всю Вселенную видно насквозь.

А спящее сквозь оконное стекло солнце, разбудившее тебя в два часа ночи!!!

Налюбовавшись экзотическими видами северной природы, возвращаешься домой. Достоешь любимую чашку, в электрочайнике кипятишь воду, завариваешь растворимый кофе. Переодеваешься. С чашечкой и бутербродом с сырокопчёной колбаской садишься перед телевизором. И, «взирая на мир» глазами Юрия Сенкевича, начинаешь мечтать об очередном трёхмесячном отпуске.

«Клуб кинопутешественников» заканчивается. Отгородившись от спящего полуночного солнца плотной оконной шторой, ложишься спать.

Зимой можно долго стоять (в унтах, дублёнке и шапке, разумеется) посреди, кажется, до дна промёрзшей бухты и любоваться полыхающим всеми цветами радуги северным сиянием в бездонном, круглосуточно чёрном небе полярной ночи. И рождается в душе: «Открылась бездна, звёзд полна. Числа нет звёздам, бездне — дна». Великолепно! Гениально! Надо завтра проработать строчки и послать в газету «Советский Таймыр». Может, пропечатают... И наворачиваются на глаза слёзы от сознания, что вот он, ещё один поэт, на Руси родился.

Стоять и любоваться восхитительно... когда ты уверен в себе, а точнее, в своём ближайшем будущем. Уверенности придаёт понимание, что совсем недалеко, всего в десяти минутах ходьбы, тебя ждёт благоустроенная квартира в тёплом доме. В квартире — полный продуктов холодильник, цветной телевизор и много ещё чего такого, что делает жизнь благополучной и приятной. Налюбовавшись экзотическими видами... возвращаешься... Достоешь... Переодеваешься... Садишься... мечтать.

«Клуб кинопутешественников» заканчивается. Отгородившись плотной оконной шторой от спящего круглые сутки уличного фонаря, залезаешь под одеяло. Перед сном — почитать. Берёшь первую попавшуюся книгу. Ага, «М. Ломоносов» из серии «Жизнь замечательных людей». Открыв наугад, натыкаешься на «Вечернее размышление о Божием величестве при случае великого северного сияния» и читаешь:

Лицо свое скрывает день;
Поля покрыла мрачна ночь;
Взошла на горы черна тень;
Лучи от нас склонились прочь;
Открылась бездна звезд полна;
Звездам числа нет, бездне дна.

Разочарованный, закрываешь книгу, ставишь на место и с сожалением, что не сложилось на Руси стать ещё одному поэту, засыпаешь.

И то ли во сне, то ли в воспоминаниях видишь точно такое же полыхающее в полнеба сияние, которое безучастно колыхнется над вами, пассажирами аварийной электрички, промёрзшей насквозь за полчаса стоянки между аэропортом Алыкель и Дудинкой. В вагоне и за окном — минус сорок, а в ушах хриплое: «...туда пятьсот, сюда пятьсот».

До чего же волнующе бороздить бескрайние просторы тундры на вездеходе! С замирающей от восторга душой ощущаешь себя могущественным повелителем этой суровой и, говорят, неприступной тундры. Но мощный вездеход легко давит её широкими гусеницами, рвёт травянистый покров, вдавливая в чуть оттаявший верхний слой камни.

И она, суровая и неприступная, покорно стелется перед громающим стальным монстром. Человек же гордым взглядом победителя оглядывает окрестности, простирающиеся до далёкого-далёкого горизонта.

Не менее впечатляюще нестись на обладающей хорошими мореходными качествами лодке под мощным «Вихрем-тридцатым». Ветер бьёт в лицо и студит щёки и уши. Температура воздуха и воды — плюс пять.

Но двое в лодке одеты соответственно, и им эти плюс пять — не холод. Мимо проносятся большие и малые острова. Чайка вздумала было посоревноваться в скорости, но быстро поняла, что бесполезно, и отстала, проводив удаляющуюся лодку своим «чай-чай-чай-ка». Скажи, белокрылая, ты смеёшься нам вслед или плачешь, беду предвещающая? Лодка несётся дальше. К тому давно проверенному месту, где омуля можно черпать сетями.

Господи! До чего же всемогущ человек — создание Твоё.

Боже, до чего же немощен человек — создание Твоё — рядом со сломавшимся в бескрайней тундре вездеходом. Каким тоскливым взглядом оглядывает он покорённую им цветущую, нежащуюся под незаходящим летним солнцем тундру. Именно сейчас, с замирающей от страха и нехороших предчувствий душой, он по-настоящему постигает её бескрайность... И возносится глас молящего в небеса: либо вдохнуть жизнь в стоящую рядом грудку металлолома, либо не отнимать её у него, немощного.

И Господь наделяет просящего правом выбора: сидеть ждать помощи, уповая на то, что в понедельник на работе хватятся и в среду организуют поиск, или идти в посёлок пешком (благо шагать можно почти по прямой) по этой, как впоследствии окажется, не такой уж и ровной тундре.

В более критической ситуации оказываются лодочники, по какой-либо причине оказавшиеся без средства передвижения. Сколько можно продержаться на острове в тех же двадцати километрах от посёлка и в сотне метров от берега? Даже с запасом пищи и с полным патронташем? Если случайный вертолёт над тундрой или проходящий мимо вездеход — явление возможное, то надеяться в море на пролетающий вертолёт или проходящее невдалеке судно — нереально. Даже у оказавшихся не на острове, а на материковом берегу участь не намного легче. По пути в посёлок придётся огибать морские заливы и устья многочисленных, пусть даже нешироких, рек, шагая вверх по течению в поисках брода. Путь домой по береговой линии в таком случае окажется втрое длиннее.

Вероятность таких событий понимает каждый уходящий в тундру и выходящий в море. Но все верят в лучшую долю и надеются обмануть её, судьбу-злодейку. Поэтому, услышав по телефону сообщение, где и когда тебя будет ждать вездеход, ты опять собираешь рюкзак и снаряжаешь свою безотказную двустволку-вертикалку. И как-то не хочется при этом вспоминать данного жене и детям обещаниям, что после недавнего двухдневного блукания по тундре ты туда больше никогда-никогда...

Памятник

К северо-востоку от острова Диксон разбросано множество больших и малых островов. Один из них, самый ближний к материку, возвышается метра на три над уровнем моря. Всего-то грудка камней, непонятно какой силой и зачем вытолкнутая когда-то из глубины Карского моря. От материковой части он отделён узким глубоководным проливом с названием Превен, а от острова Диксон — широким, но мелководным. По Превену заходят в бухту с северо-восточного направления огромные ледоколы и гружёные морские суда с их немалой осадкой. И островок этот против них — как спичечная головка против коробка спичек.

На самой его вершине лежит между камней лодка «Казанка-М», а рядом, в прозрачном, сделанном из оргстекла коробе, стоит гармошка.

В столовой диксонской конторы «Торгмортранс» справляли чей-то день рождения. Народу гуляло немного. Ещё не все вернулись из летних отпусков.

Было начало сентября. Как раз то время, когда на этих широтах полярный день закончился и, как везде, день сменялся ночью. Подмораживало. Всё чаще выпадал снежок. Но сезон малой навигации ещё не закрыт.

Гости, изрядно выпив и хорошо закусив, первый раз вышли из-за стола покурить, потанцевать, поразмять ноги и спины. Стол ломился от северных яств, поэтому первая доза алкоголя лишь разогнала кровь, а танцы утрамбовали в желудках закуски так, что ещё можно пить и закусывать хоть до утра.

Кто первый заметил, что на столах нет ни свежего омуля, ни солёного, и сказал об этом, никто уж не вспомнил. Все лишь поддержали замечание и высказали общее пожелание, что ущицей омулёвой завтра с утрачка поправиться ох как было бы хорошо.

Я не помню имён гармониста и того парня, которые вызвались и свежачка на сегодняшний стол доставить, и ущицей завтра всех взбодрить. Их сети ещё не сняты. Собирались на днях заняться, поэтому в балке¹ стоит лодка с подвешенным мотором и полным бензобаком.

1. Балок — деревянный сарай, гараж для лодки (обиход.); охотничий домик в тундре (охотн.).

— Один секунд — и омуль на столе! — сложив пальцы «очком», заверил гостей гармонист и вышел вслед за парнем.

Кто-то пытался остановить опасную затею. Но азарт уже кипел в крови, и заставит ребят вернуться не удалось.

Они не вернулись ни к застолью, ни на следующий день. Ночью добровольцы, среди которых было немало изрядно принявших на грудь, прошлись с фонарями по берегу бухты. Но ни лодки, ни ребят не нашли. Больше провозились с изрядно принявшими. Одного еле вытащили из накатившей волны.

На следующий день море разыгралось, и поиски велись лишь по береговой линии. К вечеру волны утихли, и в море вышли все лодки, какие не были поставлены на зимний отстой. Проверили место, где парни ставили сети. Ни сетей, ни следов на берегу. А на островке, что торчит среди пролива Превен, нашли наваленную на камни и совершенно пустую лодку. Даже мотора нет. Дно пробито, поэтому лодку загнали выше на камни и оставили. Быстро наступившая темнота заставила вернуться в посёлок.

На следующий день опять заштормило. Подняли вертолёт. Ни людей, ни каких-либо следов на берегу не нашли. А в следующие выходные друзья и жёны погибших подняли лодку на самую вершину островка, а рядом поставили в прозрачный короб гармошку. Помянули пропавших и вернулись в посёлок. Душам ушедших безвременно мужиков оставили два полстакана водки.

В первую годину поминки справили так же. Так и сложилась традиция поминать пропавших, оставляя в стаканах немного водки.

Помянули

В последнюю субботу августа Бог хорошую погоду послал — как раз время сети выбрать и, подсушив на ветерке, на долгую полярную зиму уложить. Андрей и Павел, двое друзей, молодых крепких мужичков, управились быстро, вернулись раньше всех и, подтянув лодку на берег, перетаскивали в балок мешки с рыбой, соль и сети. Вдруг, как чёрт из табакерки, из-за угла здания мастерской морского порта выскочил запыхавшийся Ефимыч и с ходу зачистил:

— Мужики, мужики, помогите, мотор накрылся, сети пропадут, выручайте.

Из сбивчивого рассказа поняли, что Ефимыч собрался ехать на своей лодке снимать сети, но что-то случилось мотором. Взревев при запуске, он вдруг заглох и не заводится.

Ефимыча, бедолагу и поганенькой души человека, в Диксоне не любили. Вроде и руки у мужика растут откуда положено, но всё, за что ни брался, делал он до того грубо и халтурно, что желающих брать его в напарники было мало. Да ещё врать

мастер, каких поищи. Но и без него — никак. Вот уж, воистину, место красит человека.

Надо сказать, что в Диксоне рыночных фондов бензина для свободной продажи населению не было. Все горюче-смазочные материалы завозились исключительно для нужд предприятий. Тем не менее около полусотни личных моторных лодок каждое лето бороздили прибрежные воды Карского моря. История умалчивает, из каких резервуаров заливался бензин в их моторы... Этим и ценен был Ефимыч, что, работая начальником участка горюче-смазочных материалов морского порта, половиной поселкового бензина заведовал. И среди военных, к учёту ГСМ так или иначе причастных, друзей имел немало. Как ни крути, а без милости Ефимыча лодочнику не обойтись. Плевались, но на поклон шли. Лишь в одном сочувствовали ему мужики: алименты платил Ефимыч по двум или трём исполнительным листам дамочкам, в разных местах огромного Союза проживающим.

Друзьям за спасение сетей Ефимыч пообещал залить бензобак на предстоящую поездку и ещё две канистры на следующее лето. Игра стоила свеч. Да и проситель — невысокий, щупленький, в старенькой телогрейке, резиновых сапогах и шапке-монтажке — выглядел настолько жалко и так искренне убивался, что мужики согласились. Бензобак у них был почти полный, поэтому решили, что заполнит его Ефимыч по возвращении. В рюкзаке лежали бутылка водки, кое-какая провизия.

— На обратном пути заскочим на остров, ребят помянем, — тряхнул Ефимыч висевшим за плечом маленьким рюкзаком.

Убрали в балок сети, рыбу и лишнее имущество. Поехали.

До бухты Северной, где стояли сети Ефимыча, дошли без проблем. Выбрали рыбу. Собрали сети, наслушавшись при этом матюгов от их хозяина за каждую зацепленную ячейку. И легли на обратный курс с попутным ветерком. При входе в пролив Превен повернули к острову-памятнику. Пришвартовались и поднялись к «Казанке». Гармошка и два пустых стакана — всё на месте.

— Интересно, куда девается водка из стаканов? За месяц их пару раз всё равно пополняют, — спросил Андрей, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Помянуть бы надо ребяташек, — засуетился Ефимыч.

— Неси, помянем.

Ефимыч сбегал к лодке и принёс бутылку водки, банку тушёнки, полбуханки хлеба и луковицу. Павел заметил, что продукты — из их рюкзака. А водку он чью принёс? Так кто же её разберёт — в одном магазине купленная. Налили положенное в поминальные стаканы, остальное разлили по кружкам. Помянули.

Постояв молча у чужой беды, пошли к лодке. Ефимыч что-то замешкался и отстал. Оглянувшись, чтобы поторопить попутчика, Павел увидел, как он сливает водку из стаканов в свою кружку. Дёрнул Андрея за рукав:

— Смотри, что делает, гад.

Не обращая на них внимания, Ефимыч не спеша поднёс кружку ко рту, большими глотками выпил содержимое и, обстоятельно вытерев ладонью губы, закусил бутербродом с тушёной и лежащими сверху колечками лука.

— А ты спрашивал—куда.

— Уходить надо, Пашка,—заторопился вдруг Андрей.—Хреново это.

И действительно это, попутный ветерок, совсем недавно ласково сопровождавший рыбаков, вдруг превратился в крепкий ветер и погнал волну. Лодку начало бить о камни. Павел, встав на торчащий из воды камень, развернул её носом в море, чтобы не захлёстывало корму. Андрей запрыгнул в лодку, рванул пускатель. Ещё не остывший мотор завёлся сразу.

— Давай на ту сторону!—крикнул и погнал лодку на другую, подветренную, сторону островка.

Павел подошёл туда с Ефимычем. Резкая перемена погоды в Диксоне не редкость. Но чтобы вот так, ни с того ни с сего, заштормило—явление редкое. Пришвартовав лодку в затишке, стали думать, что делать дальше.

— Смотри,—подтолкнул Павел друга.—Стоячие волны.

По проливу медленно перекачивались огромные водяные валы. Гидробазовские ребята рассказывали, что такое в Превене бывает. При каком-то определённом соотношении направления и силы ветра, морских течений и Нептун его знает чего ещё, в проливе создаётся эффект стоячих волн. Они неожиданно возникают и, погуляв по Превену туда-сюда, так же неожиданно угасают.

Павел с Андреем подошли к берегу. Всего в нескольких метрах в ту и другую сторону от них стоял водяной вал, а между ними яма—как пропасть. Каменный берег отвесной, скользкой и заиленной стеной обрывался у их ног в морскую непроглядную глубину. Это было жуткое зрелище.

При таких волнах пересечь пролив втроём на лодке «Обь-М», да ещё с мокрыми тяжёлыми сетями и большим мешком рыбы, нечего и думать. Для хорошей погоды перегруз допустим, а в штормящем море—верная смерть. Никому не хотелось, чтобы их лодку установили рядом с «Казанкой»...

Можно проскочить одному с сетями и рыбой. Разгрузиться, вернуться за вторым человеком, потом за третьим. Но сделать три рейса до темноты не получится. Вернулись к лодке.

— Что делать будем?—спросил Андрей.

— Плыть!—икнув, бодро воскликнул захмелевший Ефимыч, которому сейчас любое море, даже Карское, было по колено.

— Ефимыч, ты зачем поминальную водку выпил?—медленно выговаривая слова, прохрипел Андрей.

— Я не всю. Я им чуток оставил. Им, бестелесным, и этого хватит, а мне—в самый раз,—уверенно заявил тот, ещё не понимая, в какую передрагую они попали.

— Жадность фраера сгубила,—произнёс Андрей общеизвестную фразу.—Утроба твоя подлая. Ты же гнев морской на нас накликал. Трои м Превен не пересечь. Оставим тебя здесь ночевать. Будешь водку с бестелесными допивать. Утром заберём. Или катером тебя снимут.

Остаться в Карском море на маленьком островке осенней ночью, без костра (дров взять негде), всего в полукилометре от ярко светящихся окон тёплых диксонских квартир, да ещё провинившись перед духами умерших,—даже у Павла мурашки забегали по спине и заныло под ложечкой. Ефимыч моментально начал трезветь. Красное от выпивки и ветра лицо побледнело, приняв в итоге землистый оттенок.

— Вы что, мужики?! Смерти моей хотите, да?—взвизгнул он и в тот же миг бросился к лодке.

Козликом перепрыгнул через борт, отодвинул сети и уселся на слани, мёртвой хваткой ухватившись за леера. Андрей глянул вслед и философски заметил:

— Всё. Кранты. Балласт на борту.

Обговорили ещё вариант: уходить не сразу на посёлок, а сначала другим проливом, мелководным, но защищённым от ветра множеством мелких островков, на остров Диксон, и затем по спокойной бухте—к причалу. Маршрут тоже опасный: и путь длиннее, и подводных камней на мелководье тьма. Даже сорвав шпонку винта, шансов на спасение было мало. Маленькими штатными вёслами не удержать тяжелогружённую лодку против течения и ветра. Пока её меняешь, ветром снесёт к острову и прибором разобьёт о крутой каменный берег. Но если в Превене шансы выжить были один к ста, то здесь—пятьдесят на пятьдесят. На этом варианте друзья и остановились.

— А вы, ребяташки, осторожнее. Мне-то что, боюсь одинокому? А вам—детушек малых кормить, да и жёнки у вас молодые. Вы уж поберегите себя,—причитал Ефимыч, бросая колючие взгляды на Андрея и испуганные—на почерневшую к вечеру воду осеннего Карского моря.

— Конечно, коль себя спасать будем, то и тебя не бросим. У, жлоб! Вон у нас в рюкзаке ещё бутылка водки! Доберёмся до места—хоть ужрись!

Андрей направил лодку на южный мыс острова Диксон. Шли малым ходом. Несколько раз шаркались днищем о камни да пару раз стукнулись

редуктором винта. При этом лицо Ефимыча моментально бледнело и начинали дрожать губы:
— Лопасть бы не обломить...
— Каркни мне ещё... — сунул ему кулаком в плечо Павел.

Острова удалялись, затишье заканчивалось. Вдоль бортов вровень с лодкой начали прокатываться белые, безобидные на вид кучерявые барашки волн. Попадёшь в такую кучерявость, смесь воды и воздуха, — лодка как в яму проваливается. Правда, по всплескам волн легче заметить подводные валуны, но, скатившись с волны, можно крепко сесть на более приглублённый камень. Мелководье в сгущающихся сумерках и при волнении — то же самое минное поле.

— Прости и помилуй!... — сам не поняв, к кому обратился, Андрей повернул чуть влево и вывел лодку на глубину.

Взял курс на остров Конус². Добавил оборотов. Лодка тяжело приподнялась на волне. Опасно... Но, по крайней мере, пошли быстрее, обгоняя нарастающие у бортов то тут, то там белые гребни. Через полчаса вошли в пролив между Диксоном и Сахалином. Всё! Впереди спокойная вода. Прямо по курсу светятся окна прибрежных домов. До чего же родными и тёплыми кажутся они в такие минуты...

В темноте обогнули причал и направились к пирсу. Ефимыч оживился и, сразу же возложив на себя обязанности капитана, заставил причалить к своему балкú. Перетащили сети, рыбу. Павел принёс опустевший бензобак.

— Заливай, — поставил его перед Ефимычем, при свете фонарей деловито развешивающим сети.

Тот как не слышит.

— Давай бензин, Ефимыч, — окликнул его Андрей.

— Так нет его. В понедельник будет. Я же вам не обещал именно сегодня, — как ни в чём не бывало спокойно ответил «главный гэсээмщик».

— Нам ещё до своего балкá чапать.

— Так тут же рядом, на вёслах дойдёте.

— Значит, так: в понедельник вечером — две канистры и бак бензина. Иначе ты пожалеешь, что не остался на острове.

В лодке Андрей тряхнул рюкзаком: в нём не брякнуло, не булькнуло.

— Ефимыч, а где водка? — крикнул в сторону балкá.

Из-за створки ворот появилось блаженно улыбающееся лицо:

— Так вы же, ребята, её на острове выпили.

— А твоя-то где?

— Какая моя? Вы что, мужики? Я как вас из окна квартиры увидел, так и, чаю не попивши, побежал. Какой там магазин? Успеть бы к вам, пока лодку на берег не вытащили.

— Ну ты молоде-ец, — помотал головой Андрюха, и друзья отплыли.

Бензина в баке чуть-чуть не хватило. Подгребали до места на вёслах.

— Врёт ведь всё, падла, — подвёл итог Андрей. — В мастерской он сидел, в окно смотрел и ждал, кто первым вернётся. Мы ему и подвернулись. Ага, будет он тебе дома сидеть, чаи гонять, когда у него сети пропадают. Ну гад.

— Как ты думаешь, обманет с бензином?

— Пусть только попробует. Не одна живём. Диксон — посёлок маленький, найдём способ поквитаться.

В понедельник друзья бензин не получили. Вполне реальной была возможность не получить его и до лета.

Помог случай. У Ефимыча действительно сломался мотор. Дело в том, что у некоторых модификаций «тридцатых» «Вихрей» с электронной системой зажигания на магнето сверху припаян чёрный, квадратной формы, диод. Иногда, по какой-то неизвестной причине, его при запуске двигателя срывало. Определить неисправность, не зная про эту особенность, трудно. Но ещё труднее найти такой диод.

В Диксоне, как в Греции, есть всё. Но не в магазине. И Ефимыч пришёл за диодом к связистам, где работал Павел. Вот тут-то ему и пришлось залить своим спасителям не две, а четыре канистры бензина.

Белый «Москвич»

В первый год жизни на Диксоне Павел обратил внимание, что в посёлке нет личного автотранспорта. Оно и понятно: куда тут ездить? А как же талоны, которые жителям Севера выделяются на покупку легковых машин? Задал такой вопрос старожилам. Его на смех поднимают. Иметь стаж и трудовые достижения для получения талона — самая малость успеха. Главное — надо быть в очень хороших отношениях с секретарём исполкома, куда поступают эти талоны. Порядок их распределения и количество — тайна, покрытая мраком.

И вдруг в один из летних дней, в десять часов, Павел увидел на улице Воронина, у гидробазовского дома, новенький белый «Москвич-412». Чудеса! На фоне чёрной дороги, отсыпаемой плохо сторовшим углём, он смотрелся белым лебедем, случайно оказавшимся на тёмном, заросшем тиной и мхом болоте. С хозяином Павел знаком не был и лезть с расспросами постеснялся.

День был выходной, и этот сверкающий белой краской новёхонький «Москвич» можно было видеть в первой половине дня разъезжающим по улицам посёлка. За рулём чинно восседал хозяин, рядом — жена, а на заднем сиденье — двое детей. Останавливались у домов, где проживали друзья. Машину тут же окружала толпа знакомых и просто зевак. Иногда на капоте накрывали

.....
2. Конус, Сахалин — малые острова между островом Диксон и материком.

импровизированный стол, чтобы обмыть, как водителю, покупку.

Во второй половине дня на автомобиле развез-жала уже иная публика. Четверо-пятеро мужиков втискивались в салон и, размахивая радостно руками, гоняли по северному посёлку, тревожа гудками клаксона мирно пасущихся между домами коров. Радости хозяина и водителей, а водители почему-то часто менялись, не было предела. Слышался знаменитый, чуть перефразированный лозунг: «Ударим автопробегом по диксонскому бездорожью!»

Финал такой обкатки автотранспортного средства оказался печальным. Вечером белый «Москвич-412» стоял там же, где и утром. Но белел он лишь одним боком. Второй оказался разодранным от фары до задней двери. Стоящие вокруг мужики задумчиво курили и чесали затылки. Вспомнили какого-то Валеру, который сейчас лежит в больнице со сломанной ключицей. Он, оказывается, сидел на переднем сиденье и радостнее всех размахивал через опущенное стекло рукой. Там же находился и другой «скраюсидающий», имя которого не называли.

Первым же судном хозяин отправил повреждённое авто через Архангельск на материк. История умалчивает, в каком виде машина дошла до места назначения при «оч.умелых» ручках портовых и железнодорожных умельцев.

Лемберовские Ворота

Есть в окрестностях заполярного Диксона речка с названием Лемберова³. Речка как речка, таких в тундре множество. Но лишь в её устье находится характерное для Севера с его суровой, неброской красотой место, именуемое Лемберовскими Воротами. Иногда их называют Ведынными Воротами.

Видимо, в какие-то стародавние времена петляла Лемберова по тундре, соблюдая все законы природы: текла, стремясь туда, где ниже; твердь обтекала, рыхлое размывала; через каменистые пороги переливалась, образуя омуты. Оставалось ей уж совсем немного до Карского моря, как вдруг уткнулась она в грядку каменную. Гряда как гряда, таких в тундре тоже не счесть. Только расположена она почему-то не перпендикулярно берегу моря, как все окрест лежащие, а вдоль берега. Препрадила речке путь к морю. Трудно сейчас найти причины для оправдания теоретических размышлений в описании дальнейших событий. Может, речка, зная, что вода камень точит, показала норы. Может, гряда сжалась над речушкой и, решив уступить, раскололась

надвое. Так или иначе, но извилистая по всему руслу речушка протекает по прямой линии в самом высоком месте, разделяя гряду надвое ущельем шириной метров в пятьдесят. А дальше или сил уже у бедняжки не осталось вновь по прямой пробиваться к морю, или подумала строптивая: «Получили? Ну и хватит с вас»,—но потекла она далее плавно, вновь послушно огибая встречающиеся возвышенности. А у самого морского берега—опять незадача. Или море не захотело принимать гостью в свои объятия, или речке первый с морем поцелуй горьким показался. Но отгородились они друг от друга косой из мелких камешков, ширина которой метров десять будет. Вот только природу не обманешь. И, перелившись через косу неглубоким, чуть выше щиколотки, перекатом, влилась Лемберова в Карское море. Покорилась, а воду даже у самой косы сохранила пресной. Морскую, солёную, в русло к себе не пускает даже в сильные приливы.

В самих Воротах образовалась почти прямоугольная глубокая заводь. Можно подняться на каменную гряду и с высоты пятиэтажного дома оглядеть её. Но, как ни старайся, к самой воде, к подножью скал спуститься невозможно. В заводь можно попасть лишь на лодке. Внизу, у подножья скал, встречаются камешки странные—чёрные с красными прожилками. Говорят, камни эти магической силой обладают.

Но коса перегородила русло так, что на лодке в Лемберову не войдёшь. А снимать мотор, разгружать лодку да перетаскивать её по галечнику, рискуя ободрать днище, ради экзотической прогулки по всегда зеркальной поверхности воды желающих не находилось. Хотя у самых Ворот стоит старая зимовка, в которой, говорят, в двадцатых-тридцатых годах двадцатого века промышляли два брата. Сказывают, что братья вечно ругались друг с другом и дрались. Вот, а были бы любящими, навряд ли какая память о них осталась бы. Но речь не о братьях—о речке. Если на берегу стоит зимовка, значит, выход в море был?

Хотя рассказывал как-то сосед моего соседа, мне черезсосед, значит, что протащили они всё же лодку через косу и вошли в Лемберовские Ворота. Кинули удочки—ни поклёвки, ни других каких признаков живности не заметили. Привязали к леске груз и стали мерить глубину. Всю леску разматывали, а дна нет. И что странно: начали леску вытягивать и смагивать, а её словно кто в глубине захватил и вырвал из рук. Конец лески только мелькнул на поверхности воды и в глубину ушёл так быстро, словно это не леска лёгкая, а проволока стальная. Ну, ушла и ушла, Нептун с нею. Стали они суровой северной красотой любоваться. На террасках скальных разные цветочки цветут. Маленькие, но яркие. И полярные маки кое-где желтеют. Разглядывая скалы, приготовили

.....
3. Река Лемберова на побережье Карского моря названа по фамилии плотника диксонской радиостанции Степана Лемберова, похороненного в 1921 году на мысе, тоже носящем его имя.

фотоаппараты, чтобы диковинные виды на плёнку запечатлеть. И показалось им, что скалы вдруг начали сходитьсь. Вроде чушь собачья, а глядят — они всё ближе и ближе.

Хватились мужики вёсел, чтобы выплыть из ворот, а их и нету. Были они, на вёслах же по речке прошли и в ворота заплыли. А сейчас нет! Взяли в руки что было в лодке: один скамейку, другой котелок, — и давай грести с двух бортов. А скалы всё ближе и ближе. Неба полоска над ними всё уже и уже. Темно вокруг, словно ночью... Тут у обоих, говорят, сознание и отключилось.

Очнулись, когда лодку потихоньку течением к берегу прибило. Глянули назад — и скалы на месте, и заводь широкая, как и была. Главное, вёсла нашлись. Они вдоль бортов, под сланями оказались. Кто их туда засунул, из уключин вынув, — загадка. Как потом ни допытывались мы у горе-исследователей, сколько они тогда выпили, оба одно твердят, что трезвые были.

А другой черезсосед рассказывал, что вода в Лемберовских Воротах теплее, чем в других речках и в самой Лемберове, градусов на пять. И поэтому хоть она и пресная, но замерзает позже, в одно время с морской, солёной. Может, этому глубина большая причиной, кто его знает. И как он умудрился температуру воды померить, неизвестно. Правда, работал он в Диксонском управлении по гидрометеорологии и контролю окружающей среды (дугкс). А там такие ребята... Они тебе что угодно и где угодно померят. Хоть ту же температуру у чёрта в подмышках. Это их работа. И ещё он говорил, что бытует мнение, будто бы в заводи Лемберовских Ворот начинается заполненный водой подземный туннель — ход в озеро Байкал. Подтверждением является тот факт, что только в Байкале водятся такие северные животные, как нерпа, и такая северная рыба, как омуль. Больше-то их нигде, ни в одном озере нет.

Однажды попали мы в Лемберовские Ворота ранней зимой, когда снега ещё мало. Его ветром со льда подчистую сдувает. Тихо там. Спят скалы, многометровым льдом разделённые, жёстким крупитчатым снежком припорошённые.

Вышли на лёд и вспомнили рассказ черезсоседа. Нет, скалы не двигались. А вот под ноги смотреть жутко. Чистый и прозрачный лёд скрадывал свою толщину. Казалось, что стоишь ты на тонком стекле, а под тобой чёрная бездна. Как у Ломоносова. Только звёзд не было. И дна тоже. Вот так и ждёшь, что при следующем шаге хрустнет стекло под ногой, брызнет осколками — и полетишь ты в ту бездну... Шли мы тогда по заводи от одной скалы к другой, наверное, так же, как пехота по минному полю. Незабываемые ощущения! Если бы не редкие белеющие в этой черноте трещины, по которым можно судить о толщине льда, вряд ли бы у нас хватило духу перейти заводь.

Где-то лежали у меня чёрные камешки с красными прожилками, взятые в Лемберовских Воротах. Но со временем затерялись куда-то...

Гусиная охота — второй отпуск

В конце мая в окрестностях Диксона начинается лёт гусей. За ними тянутся утки и другая разная мелочь. А в первое воскресенье июня открывается традиционная десятидневная гусиная охота. Этого дня большая (и, смею сказать, лучшая) часть мужского населения посёлка ждёт с трепетом и тревогой. «Боевые товарищи» загодя собираются у кого-нибудь на квартире и священнодействуют: заряжают патроны, готовят снаряжение и профиля. Процесс ласкает душу каждого «мужика с ружьём», как называют охотников их жёны.

Счастливики, сумевшие под любым предлогом вырваться с работы, разъезжаются на вездеходах к своим балкам. Из посёлка зимой есть два пути: по льду на юг и берегом на север. На каждой дороге имеется место, где должна быть исполнена извечная, передаваемая из поколения в поколение традиция: распить одну на всех бутылку водки. Первую — одну на всех. Кроме того, её следует расстрелять, и обязательно влёт. Лишь после исполнения этого ритуала считается, что гусиная охота для находящихся в этой группе охотников началась. Тундра открыта.

В вездеходе, как правило, находятся две-три группы охотников, балки которых расположены по пути следования. Первая, а затем и последующие группы, доставленные до своих балков, как правило, вручали водителю вездехода бутылку. Её разливали всем желающим. Отъезжающие плескали из своих стаканов на углы балка, а остающиеся — на гусеницы вездехода. Но это уже являлось не традицией, а правилом хорошего тона. Пожелав друг другу удачи, расставались.

Существовала и ещё одна обязательная традиция. Охотников с места охоты вывозили так же вездеходами. Водителю от каждой бригады положено отдать одного гуся и бутылку водки. Тут часто возникал нюанс. Гуся-то водиле — без проблем, а водку в тундре где взять? Конечно, с первого дня охоты все оставляют одну «командирскую» на последний день. Но она, как правило, до этого дня не доживает. Чаще всего компромисс достигался так: гуся — сейчас, пузырь — в посёлке. По завершении сезона охоты в гараже у водителя набирался ящик водки.

Прибыв в свой балок и обустроившись на месте, дальше разливали уже по двум критериям: «Ты что, краёв не видишь?» или «Душа — мера». Те, кто наливал по первому критерию, часто попадали в такую ситуацию. В пьяном азарте, а потом и в пьяном угаре горе-охотники разбабахивали патроны по бутылкам, а когда начинался лёт гусей, стрелять было уже нечем.

В компании, о которой идёт речь, наливали по второму критерию. Поэтому, попросившись с попутчиками, мужики первым делом оборудовали скрадки⁴, выставляли фанерные профили, топили печку и, приведя балок в жилое состояние, приступали к ужину.

Сервировка стола в первый день — тоже традиция, но уже бригадная.

На застеленный газетами стол (скатерть будет завтра с утра) выкладываются чёрный хлеб, нарезанные толстыми кольцами головки лука и выставляется бутылочка из-под снега, в тёплом балке сразу же запотевающая. Её содержимое разливается грамм этак по сто в алюминиевые кружки (именно в алюминиевые, ибо в них булочки почему-то звонче получаются). Употребляется она холодненькая под ядрёный огурчик венгерского маринования. К этому времени на чугунной печке-плите уже разогрета вскрытая банка со свиной тушёной. Её, горячую, — сразу на стол. Окунаешь туда ломоть чёрного хлеба и даёшь ему слегка заливкой пропитаться. Затем на него ложкой — тушёной свининки. Сверху на всё это — кольца лука. Да побольше, с горкой. Внутри уже водочка по жилкам пошла, усталость дневную из них выгоняет. Во рту вкус огурчиков маринованных ещё гуляет, язык пощипывает. А ты туда же вторые сто грамм и всему этому благолепию вдогонку сооружённую закусочку отправляешь. И сразу же ощущаешь тепло и блаженство... От печурки в это время по помещению тоже тепло расходуется. А кругом тишина... И вокруг, по крайней мере, километра на три-четыре — ни души...

Перед тем как налить следующую, тушёнку вновь подогревали. После третьей закусывали домашними заготовками: сырокопчёная колбаса, котлеты, картошка, капуста и прочие деликатесы, которые завезла в посёлок за прошлую навигацию доблестная диксонская контора «Тормортранс».

Павел вышел из балки. Сливая на ходу отстой, прошёл по снежному насту чуть дальше, на самую вершину наметённого за грудой камней сугроба. Полуночное солнце спит глаза. Романтика!.. Конечно, романтика, когда у тебя в балке полно дров и угля. В рюкзаке — запас еды на две недели. Под нарами — полный цинк патронов. В оговорённые день и час тебя вывезет вездеходом... А если не вывезут? Вот тут уж, извините, от такой «романтики» — холодок по спине...

С северной и восточной стороны на полгоризонта простирается тундра — белое безмолвие, кое-где расчерченное чёрными каменными

грядками. В их, казалось бы, хаотичном расположении всё-таки есть закономерность — они почти все располагаются перпендикулярно морскому берегу. Далеко слева чернеют две точки — скалы Лемберовских Ворот.

За спиной, с западной стороны, от берега моря пролегла широкая лайда⁵. Основное её русло идёт метрах в трёхстах от балки, а неглубокое ответвление уходит на север. На этой развилке и обустроены скрадки с фанерными профилями. Небольшие стаи гусей постоянно тянутся этой лайдой и, как правило, сворачивают к выставленным на снегу профилям.

Пока Павел разглядывал окрестности, из балки вышел его напарник Василич. Он после армии жил и учился в Одессе. Когда наши знаменитые юмористы ещё только оканчивали Одесский институт инженеров морского флота (ОИИМФ), Василич уже учился там же на первом курсе. Видимо, в память о студенческих годах в славном городе Одессе, он называл Павла «корешем» или «корешком».

Подержавшись за угол балки, чтобы тот перестал качаться и принял вполне устойчивое положение, Василич направился к другу. На полпути остановился. Долго и внимательно рассматривал надпись, сделанную им на снегу. Наверное, он принял написанное за приветствие появляющимся иногда в этих краях летающим тарелкам. Покивал, одобряя размашистость почерка, позволяющего инопланетянам читать послание с высоты, не прягая лишней раз зрения и не тратя топливо на снижение и последующий набор высоты. Видимо, согласившись со смыслом, наложил на текст свою резолюцию. Затем, помахав соавтору рукой, начал внимательно осматривать небосвод. Наверное, надеялся увидеть на нём неопознанные объекты, слетающиеся для прочтения приветственного послания. Но нло не было. Зато напротив склонившегося к северо-западу солнца отчётливо виднелась луна.

— Корешок, а ты сможешь в луну попасть? — пытаюсь сконцентрировать взгляд на товарище, спросил он.

Павел отрицательно помотал головой.

— Щас посмотрим.

С этими словами Василич зашёл в балок и вернулся с ружьём-вертикалкой двенадцатого калибра.

— Стреляй оттуда, — крикнул Павел, предварительно укryвшись за камнями.

Пьяный мужик с ружьём — это похуже обезьяны с гранатой.

Засадив по патрону в каждый ствол, Василич вскинул ружьё и стал наводить его на цель. Траектория движения стволов походила на лежащую на боку цифру «восемь». Грянул выстрел. Видимо, стрелок даванул на обе скобы сразу. От двойной отдачи его опрокинуло на снег.

4. Скрадок — яма в снегу, где укрывается охотник, мечтающий подстрелить гуся.

5. Лайда — неглубокий овраг с пологими склонами, заросшими травой. На юге России их называют балками.

— Корешок, корешок, ты видел? Я попал! Она упала! Она упала прямо к моим ногам! — радостно кричал поверженный Василий, показывая на луну через торчащие из снега ноги.

Пока он выкарабкивался и вставал, Павел подобрал ружьё, разобрал и унёс в балок. Когда вышел, увидел на лице Василича недоумение.

— А ты? Ты что же, стрелять не будешь?

— А куда стрелять? Луну ты уже порешил, а двух лун мы с тобой ещё пока не видим. Давай забросим её снова на место. Пусть она по небу плавает. Это сейчас, при солнце, она вроде бы никому не нужна. А августовской ночью она пригодится нам, когда будем возвращаться на лодке с хорошим уловом. Давай-ка я её отправлю снова на небо.

С этими словами Павел взял валяющуюся недалеко консервную банку и забросил её как можно выше и дальше за камни. Василич сосредоточенно вникал в сплетённую им словесную вязь и проследить траекторию полёта банки оказался не в состоянии. Но процесс отследил чётко. Он выстрелил — луна упала. Он наблюдал её, поверженную, у своих ног. Корешок сделал бросок вверх, и вон она, луна, опять над его головой. В результате всё вернулось на исходные позиции. Значит, и им пора обратно за стол.

Василич взял Павла за плечи и тихо, с дрожью в голосе, сказал:

— Ты правильно рассудил, корешок. Красиво и душевно. Уважаю.

Он что-то смахнул с глаз рукавом климатички⁶ — то ли прилиплю крупинку снега, то ли скупую мужскую слезу. . .

С утра начиналась настоящая гусиная охота — второй отпуск.

Сказано оптимистично и довольно самонадеянно. Увы, утро выдалось пасмурное. Сыпал редкий, мелкий, крупитчатый снег. Ветра не было. . . гусей тоже. В принципе, это даже оказалось друзьям на руку. Прибрались в балке после вчерашнего. Оборудовали с противоположной стороны груды камней туалет.

Да простит меня читатель за дальнейшие подробности, но сие заведение имеет в данной ситуации особый статус и требует отдельного описания.

Во-первых, данный туалет наверняка был единственным во всей тундре оснащён унитазом. Просто привезли в балок унитаза с пробитым днищем, прикрепили к двум широким и толстым доскам, которые уложили над выкопанной в снегу ямой. В качестве сидухи использовали кусок толстого пенопласта, естественно, с нужным отверстием. Присядешь на него, бывало, прикрыв сооружение полами климатички, — и тепло, и не дует.

Во-вторых, место для него выбирали не в укромном закрытом уголке, как это обычно принято, а посреди чистого поля лицом на юг. К чему это? А к тому, что по закону подлости именно в это время

в непосредственной близости от восседающего пролетят гуси. Это даже к гадалке не ходи. . . Никто из балка выскочить с ружьями не успевает. А сидящий, естественно, с ружьём наизготовку, — вот он, тут как тут, возвращается с отхожего места с добычей.

В таком размещении нужного места есть ещё одна прелесть. Представляете, сидишь. . . а пред тобой на все четыре стороны, на многие километры — белое безмолвие. И ты один в центре этой бескрайности. . . Осознав поэтичность ситуации, ты уже не просто сидишь, а гордо восседаешь! В голове рождаются величественные мысли. Прямо маниловщина какая-то. . . И название этому сооружению друзья дали соответствующее — думное место⁷. Приличия ради надо сказать: думное место от балка закрывала каменная горка.

Наверное, у Василича до сих пор хранится фотография, на которой посреди белой пустыни, на фоне далёких прибрежных скал и чернеющего у самого горизонта посёлка, гордо и величественно на вершине пологого сугроба стоит вполне цивилизованный городской унитаз.

А на второй день — опять неприятный сюрприз. Вдруг поднявшийся южный ветер гнал по тундре позёмку. Павел сидит в скрадке: над головой — бледно-голубое ясное небо, с одной стороны горизонта — солнце, с другой — луна. А на поверхности земли вдоль отшлифованных за долгую полярную зиму сугробов несутся снежные космы, смазывая очертания дальних каменных гряд и холмов. Всё бы ничего. . . Но сидеть приходится лицом к югу, откуда налетают гуси, и жёсткий крупитчатый снег с бруствера скрадка летит прямо в лицо. Студит нос и щёки, залепляет глаза. Тёмные очки спасают от солнечного света и слепящего снега. Но защитит от позёмки они не могут. Приходится всё время стоять. Отвернёшься или спрячешься в скрадке — а гуси вдруг налетят. . . В общем, не второй отпуск, а сплошная маета. Беда ещё в том, что выехать-то в этот раз удалось лишь на три дня.

Разочарованный Василич ушёл в балок — готовить ужин. Павел остался.

Далеко, где-то вдоль берега моря или над прибрежными островами, тянулись к северу косяки гусей. Но надеяться и ждать, что какая-нибудь стая отвернёт в его сторону, — напрасное занятие. Летят высоко. Пролётные.

Второй неудачный день заканчивается. Надо собираться домой. Ружьё, спустив курок, прислонил к стенке скрадка. Начал складывать сиденье, укладывая термос в рюкзак. . . Краем глаза уловил или

6. Климатичка — фуфайка с поясом и тёплым капюшном.

7. Описываемые события происходили в 1986 году. Поэтому название «думное место» к нынешним думам разных уровней никоим образом не относится.

каким-то охотничьим чувством ощутил движение слева. Инстинктивно присев, повернул голову... Три серых гуся заходят на профиля. Двое летят в паре, третий чуть подальше сбоку. Идут низко.

Поэтому вскакивать перед ними, чтобы, как в тире, расстрелять зависшую в испуге птицу, не было никакого смысла. Стрелять в лоб бесполезно. Дробь от такого выстрела скользит по оперению, не принося птице вреда. Вероятность того, что какая-то дробинка перебьёт крыло, очень мала. Надо ждать посадки или стрелять вслед.

Три большие птицы неспешно плыли над снежной целиной на высоте трёх-четырёх метров. Плавные движения огромных крыльев свидетельствуют скорее о спокойствии птиц, чем об усталости. Чёрные на фоне ослепительно белого снега, с медленными взмахами широких могучих крыльев, они показались Павлу величественными сказочными драконами, парящими в белом безмолвии.

Заворожённый фантастической картиной, он чуть приподнялся, наблюдая за птицами. Видимо, солнечный луч блеснул на очках или гуси заметили его неловкое движение, но что-то их встревожило. Летящий за парой гусь-одиночка качнулся на крыло и ушёл вправо. Его уже не достать.

Пара, отклонившись в другую сторону, прибавила в скорости, пытаясь облететь скрадок слева. Уйти дальше ей мешал крутой склон лайды. Павел привстал, взвёл курок и начал, затаив дыхание, выцеливать добычу, чтобы одним выстрелом зацепить обоих. Секунда, другая... И тут ему показалось (наверняка показалось, ибо такого, как говорят орнитологи, не бывает никогда), что одна из птиц, судя по размерам — гусак, повернула и несколькими сильными взмахами крыльев настолько приблизилась к скрадку, что заслонила собой и подругу, и, показалось даже, половину горизонта. Огромная птица летит настолько близко, что, кажется, ещё секунда — и ударом крыла выбьет ружьё из рук. Видно каждое пёрышко на пёстрой груди и чёрную бусинку глаза на его чуть повернутой к охотнику голове. Обречённость и в то же время надежда, что его манёвр не окажется напрасным, читались во взгляде.

«Пусть будет так», — подвёл человек итог противоборства с птицей и плавно поджал спусковой крючок... Сухой щелчок осечки эхом ухнул в груди, пустотой сорвавшись вниз и тугой волной ударив в голову. В недоумении Павел опустил ружьё. Он видел, как гусыня скрылась за поворотом, а гусак, описав дугу, догоняет её, усиленно работая крыльями. Он мог бы снять его следующим выстрелом. Но... тогда не осталась бы в памяти картина величаво плывущих над ослепительно белой тундрой прекрасных птиц, похожих на двух чёрных драконов.

Чудес на свете не бывает. По пути в балок Павел понял причину осечки... Он выехал на охоту

с новым ружьём-бескурковкой. И почему-то не на полчаса раньше, а именно сейчас вспомнил последний пункт заводской инструкции, которым предписывалось на первое время, пока детали механизма не приработаются, возвращать взводную скобу усилием руки обратно до упора. Усмехнувшись, исполнил заводское указание. Затем поднял ствол вверх и нажал на спусковой крючок. Грохнуло так... Что и требовалось доказать: обычная спешка и разгильдяйство. Из-за волнения он забыл исполнить рекомендацию завода-изготовителя.

Подлёдный лов на Убойной

В сорока километрах к северо-востоку от Диксона есть речка с названием Убойная. Много рассказывали побывавшие на её берегах об очаровании тех суровых мест. Удивлялись, что течёт речка не как все — по широкой лайде, а в глубоком каньоне, который она промыла за многие века, неся свои воды к Карскому морю. Каньон настолько узкий, что осенней тёмной ночью, двигаясь по бесснежной чёрной тундре на вездеходе, запросто можно не заметить его обрывистого берега и кувырнуться вниз. А ещё рассказывали о «во-от таких» хариусах, что водятся в её прозрачных водах.

Лето в Заполярье холодное, а летняя пора очень «жаркая». За непродолжительную навигацию надо успеть принять и разместить огромное количество грузов, выполнить ремонт инженерных сетей и жилого фонда. Тут уж не до окружающих красот и увеселительных выездов «за город». Самое лучшее время сгонять на Убойную за хариусом — осенний подлёдный лов.

В пятницу вечером по уже скованной морозом и запорошённой снегом тундре компания на вездеходе добралась до балка на берегу Убойной. Пока не стемнело, прошли вдоль обрыва. Не обманули рассказчики. От горизонта до горизонта, с одной стороны обрамлённого чернеющей полоской моря, простирается практически ровная тундра. А под ногами, где-то внизу, в темноте ступившихся сумерек виднеется серая лента реки. На протяжении метров трёхсот от поворота до поворота русла насчитали четыре переката и два небольших омута.

Вернулись в балок. При свете керосиновой лампы поужинали и улеглись спать.

Утром с рассвета попробовали закинуть удочки в приглянувшихся вечером ближних омутах. Не дождавшись поклёвок, на вездеходе перебрались вниз по течению, где омуты были пошире. Тяжёлые свинцовые тучи постепенно рассеялись, и сквозь просветы в них периодически появлялось солнце. Вот тут-то и началась рыбалка.

Выходили на лёд по одному. Вдвоём рядом стоять страшно: лёд начинает проседать и потрескивать под ногами. Ближе к середине омута Павел топориком прорубил во льду небольшую лунку. Удалив льдинки, лёг на лёд и приник к ней

лицом, прикрывая щели руками, чтобы в лунку не попадал свет и на воде не было бликов.

Вот это да!!! Внизу, как в аквариуме с кристально чистой водой, видно всё до мельчайших деталей. Солнечные лучи, проникая сквозь припорошённый снегом ещё не толстый лёд, играют на дне и на камнях солнечными бликами. Ничего не шелохнётся в подводном мире. Поворачивая голову, оглядываешь подводную часть берегов. Вон они где, красавцы... Пять-шесть рыбин, чуть поводя брюшными плавниками, замерли у стремнины.

Подошли ближе и на безопасном друг от друга расстоянии полукругом расположились вдоль заветного места. С величайшей осторожностью, кашлянуть боясь, каждый прорубил по лунке. Ложиться нельзя, чтобы тенью не встревожить рыбу. Снарядили удочки и тихо опустили крючки под воду, затаив дыхание—ни кашлянуть, ни чихнуть... Ждётся... Ждётся. По леске ощущается толчок. Заметили! Еле сдерживаешь себя от первой же подсечки. Чуть опускаешь удочку. Даёшь слабину. Второй толчок. Чуть поднимаешь удочку. Ну... Бог троицу любит... Ну? Есть! Толчок и поводок. Подсекаешь резким несильным рывком. И с восторгом ощущаешь, что добыча на крючке. Сейчас главное—не делать резких движений. Не создавать суеты, настораживающей и пугающей остальных обитателей омута. Не ослабляя лески, подводишь добычу к лунке и поднимаешь на лёд. Вот он, красавец, чуть не дотягивает от ладони до локтя. Первым делом—понюхать рыбину. На материке Павел хариусов не ловил. Как там и в других речках, а в заполярных только что пойманный хариус пахнет свежим огурцом. Пару вдохов достаточно, чтобы насладиться ароматом и вспомнить недавний отпуск.

«С почином!»— машет рукой сосед. Павел мысленно посылает его, не со злобы, конечно, а согласно традиции, к чёрту, хотя понимает, что в данный момент, наверное, лучше отправить к водяному, если он только водится в этом холоде. Насаживает новый хлебный катышек и опускает крючок вниз. Напарники один за другим выводят на лёд свою добычу. Прикинул: не-а, его экземпляр всё равно крупнее. Понимая, что они так не считают, машет им: «С почином!»—и тут же ощущает, как дёрнулась леска. Надо вытащить ещё одного хариуса, пока друзья переналаживают крючки... На этом он и срывается. Нетерпение подвело. Показалось, что второй толчок был с поводкой, и подсёк... Пусто. Всё, хариус напуган и уйдёт в сторону.

Так и есть. Минут через пять-десять сосед вытаскивает наверняка именно этого, ушедшего от тебя, второго хариуса. Если оставшихся сородичей не распугали и они не покинули «насиженное» место, есть смысл ещё ждать. Вроде не шумели.

Всё делали аккуратно и тихо. Ожидание поклёвки... Есть одна... другая... третья... и всё. Тишина.

Павел медленно ложится к лунке и всматривается в подлёдное пространство. Солнце закрыла тучка. Подо льдом серо, видно плохо. Отошёл к первой лунке и, приныкая к ней, вновь исследует взглядом подводный мир. Появляется солнце. Подо льдом—вновь аквариум. Ага. Оставшаяся пара ушла в сторону. А вон там, чуть дальше у берега, ещё одна стайка. Показал рукой в ту сторону. Напарники потянулись в указанном направлении. Но что-то не срослось: или стайка оказалась напуганной, или возбуждённые первой удачей рыбаки вели себя шумно,—удалось вытащить лишь одного хариуса. Остальные тут же ушли к другому берегу.

Ниже по течению ещё один омут. Решили пробираться туда по камням вдоль русла речки. Товарищ пробует закинуть в небольших заводях на не замёрзших ещё перекатах. Пусто. Павел с другим напарником уже на льду. Незадачливый испытатель присоединяется к ним.

И всё повторяется сначала. Лунка. Аквариум. Слева стайка. Справа ещё одна, и чуть подальше, кажется, третья... Тихо, тихо... Лунка готова. Наживлённый крючок скользит вниз, ожидание... Толчок. Пошла рыбалка!

Короток осенний день в Заполярье. Ещё и время детское, а на дворе уже темно. Пора возвращаться. В балке у каждого свои обязанности. Одному—дрова и печка, другому—вода и картошка, сервировка стола. И лишь повар—лицо неприкосновенное. Его забота—уха. Запотевшую беленькую—на стол. Под холодную закусочку за удачу—первая, за погоду—вторая, и третья—за любовь, чтобы жёны дождались... А тут и повар уху подаёт.

Ночью Павел проснулся и вышел из балка.

Стояла на удивление тихая безветренная ночь: ни привычного ветра, ни колючей позёмки. Даже хиус⁸ не ощущался. Наверное, притаился где-то за дальней каменной грядой. Может, где-то на припае с ледяной морской волной играет, впитывая её холод, чтобы завтра испытать им группу людишек, так самонадеянно забравшихся далеко в тундру ради ощущения восторга от бьющейся на леске рыбины.

Пугающе близкие-близкие звёзды на совершенно чёрном небе и белеющая каким-то неестественным фосфоресцирующим блеском тундра. Огромный ковш Большой Медведицы в стороне и чуть вытянутый, висящий прямо над головой ковшик Малой Медведицы. Над горизонтом далеко за каньоном—круглая и тоже увеличенная

8. Хиус: «Это даже не ветер, а стена холода, наваливающаяся на всё живое. Хиус пронизывает одежду, добираясь до костей, жжёт лицо, холодит душу» (Виктор Михайленко, «Рождённые луной и хиусом»).

в размерах Луна. Абсолютное господство двух цветов — чёрного и белого. И никаких полутонов. Даже снег в тени балка в двух метрах от ног тоже кажется чёрным. Горизонт чёткой линией обозначил границу между чёрным небом и серебристой поверхностью земли. И только за далёким припаем море отделило небо от земли полоской свинцового цвета. Ледящее душу и в то же время завораживающее зрелище. Появилось чувство ирреальности окружающего пространства.

Но самое жуткое ощущение вызывал каньон. Две чётких границы между чёрным и белым: одна — ближний, другая — противоположный края ущелья. А между ними — абсолютная чернота. Наверное, так и выглядит он, никем ещё не виденный край земли. Зрелище сводит с ума. Что там? Умом понимаешь: обычное, глубиной метров в десять-пятнадцать, ущелье с протекающей на его дне местами ещё не замёрзшей речкой... Но ноги сами идут к загадочной чёрной ленте. Тьма завораживает, кружит голову, влечёт. Еле удерживаешься от соблазна заглянуть туда, в чёрную бездну преисподней. Наверное, так и пропадали путники, обманутые миражами в пустыне, аргонавты, соблазнённые пением наяд, и парубки, пленённые тихим смехом русалок.

Вспомнилось гоголевское: «Тиха... — и тут же перефразировалось: —... заполярная ночь». Зимой в морозы такие тихие ночи не редкость. Но ночная тишина обманчива, верный признак смены погоды, а ещё вернее — к пурге. Павел вернулся в балок.

Утром рассказал о своих сомнениях насчёт погоды остальным. Хотя небо было чистое, решили позавтракать на скорую руку, собраться и двигаться вверх вдоль русла реки к дороге. По пути проверить ещё пару, как сказал водитель вездехода, «богатимых» омутов.

Доехали до первого. Взяли ещё по три-четыре хариуса. Небо стремительно затягивалось тучами. Погрузились в вездеход — и ходу. Второй омут пришлось миновать. Ветер крепчал, поднимая по зёмку. Выехали на дорогу и устремились к Диксону.

Пурга догнала вездеход у самого посёлка. Водитель Юра определял дорогу лишь по ему одному известным вехам — приметным камням и разбросанным вдоль дороги металлическим бочкам. Далее, миновав свалку, до посёлка добрались, ориентируясь на мерцающие сквозь пургу окна диксонских домов.

«Оранжевый»

Одно-двухэтажные дома в Диксоне за зиму заносит снегом по самый карниз. Ребятя, вылезая с чердаков через слуховые окна, с восторгом скатывалась на санках или фанерках по природой-матушкой созданным снежным горкам.

Именно такой дом стоит за тыльной стороной здания районного узла связи, в обиходе —

Диксонского РУС. Молодой инженер телефонно-телеграфной связи стоит у окна линейно-аппаратного зала, с двояким чувством наблюдая за всеелящейся ребятиней. Лучи майского солнца, отражаясь от спрессованного морозами и отшлифованного ветрами снега, спят глаза. Потеплело внутри, душа размякла, вспомнив знакомое с детства: «Мороз и солнце; день чудесный!..» Так и радовался бы, любуясь обычной зимней забавой детворы, если бы... не май месяц на дворе. Последний весенний месяц на исходе, а снег и не думает таять. И первомайскую демонстрацию отменили из-за пурги. Намело под самые крыши и морозом придавило. Минус двадцать — какая уж тут весна?.. Отсюда и двоякие чувства, смятение в душе.

Первые два года в Заполярье прожили на едином вдохе, в романтическом восхищении от познания неизведанного, ощущения некоей исключительности собственной персоны из-за того, что обитают в мире, не каждому доступном. Где таких сложных проблем, как отдельная квартира, место в детском саду, не существует. Сам детсад и школа рядом с домом. Дублёнки взрослым, шубки детям, ковры и прочее, и прочее решались в Диксоне не годами, а днём подачи заявления.

Романтика исчезла первой. Началось приобщение к суровой обыденности. Затем, по мере привыкания к обеспеченной жизни, притупилось и прошло чувство собственной исключительности. Началась обычная, от праздника до праздника, бытовуха при социально-политических лозунгах и с мечтами о грядущем отпуске. Мужская половина диксончан зиму претерпевает ещё и ожиданием гусиной охоты да летней рыбалки.

Ну что ж, бытовуха так бытовуха. Ананасов с бананами он и не ожидал. Мандаринов, красной и чёрной икры в свободной продаже, как обещали работодатели, тоже не оказалось. Лишь старожилы вспоминают ещё о стоявших на прилавках вазах с чёрной, красной икрой и мандаринами, о свежих огурцах, коньяках, шоколаде и прочем. В принципе, всё и сейчас есть, но лишь по праздникам.

Но не в этом проблема, а в детях. Медики пусть не открыто, не в докладах и выступлениях, но говорят, что детям на Севере долго жить нельзя, вредно для здоровья. Так, опять же, немало в Диксоне молодых специалистов, окончивших вузы и техникумы на «материке» и вернувшихся работать в Диксон. Никакой ущербности в их поведении и развитии незаметно.

Вспомнилось, как семья с двумя дошколятами добиралась в конце августа до Диксона. На контейнер для перевозки домашних вещей очередь. Воздать «благодетелям» за контейнер в обход очереди, за бронирование билетов из Москвы до Норильска и в Диксон у молодых специалистов денег, естественно, не было. Но эти самые

«благодетели», услышав: «Переезжаем на Диксон», — вдруг становились обычными порядочными людьми и оформляли всё необходимое без излишних проволочек и запросов.

Как глянул в иллюминатор приземлившегося в Норильске самолёта и увидел ржавую мокрую пожухлую траву, прибываемую к земле стылým дождём и сильным ветром. На лётном поле аэродромная обслуга — в меховых куртках и плащах. Сжалось сердце в тревоге: в Москве ещё лето, солнце и плюс двадцать. А здесь... Им повезло, в Алыкеле лишь вчера открыли новое здание аэровокзала.

Как, проснувшись ночью на вокзальном стуле, ощутил ужас оттого, что завёз семью неведомо куда. И не окажется ли горькими обещанные манна с заполярных небес и красная икра на прилавках магазинов? Посмотрел на свернувшуюся калачиком жену на соседнем стуле и детей, уложенных на составленные рядом чемоданы... Стиснув зубы, приказал себе: вперёд и только вперёд.

Попали в самый сезон — северяне возвращаются из отпусков. Диксон не принимает из-за погодных условий. Народу скопилось — тьма. Билетная бронь в аэропорту Алыкель ничего не значит — становись в общую очередь. С чемоданами и баулами (а куда ж новосёлам без них?) в переполненный самолёт не берут.

Руководство Дудинского узла связи договорилось с капитаном и отправило бедолаг туристическим теплоходом маршрута Красноярск — Диксон. Повезло им: двое суток любовались из окна комфортабельной каюты суровыми пейзажами устья Енисея. А экскурсовод по корабельной радиосети рассказывает об исторических достопримечательностях: «Взгляните налево. Можно увидеть крест на могиле... сосланного за... Взгляните направо. На берегу виднеется каменный тур — могила... сосланного за...» С погодой повезло: все кресты и могилы — как на выставочных фотографиях. Только не фото это, а жизнь. Запомнились пристальные, недоуменные, недоверчивые взгляды туристов. Один озвучил общее непонимание: — Скажите, вы правда с детьми в Диксон едете жить по своей воле? — и, получив утвердительный ответ: — Туда же ссылали... А вы сами...

— Нет, ссылали, как видите, намного южнее, — стараясь не выдать тревоги, отвечал глава семейства.

Да, тех ссылали. А его, молодого перспективного специалиста, что занесло в этот Богом забытый край земли? Или, наоборот, хранимый? Хранимый Им от Им же созданных и Им же проклятых людей? Даже своих «невернопопданных» цари ссылали южнее, а он, законопослушный, по доброй воле едет.

Молодой инженер мотнул головой, отогнал воспоминания. Ничего, Бог пока не выдал, свинья не съела. Поживём ещё, а там увидим.

А пока середина мая, за окном солнце и... минус двадцать. За спиной слышны едва уловимый гул блоков питания, попискивание зуммеров, лёгкий шум вентиляторов. Обычные звуки линейно-аппаратного зала узла связи. Отвернулся от окна... а на рабочем столе — горка мандаринов, словно в Гаграх или на прилавке сухумского рынка. Солнечный луч подсвечивает оранжевое... оранжевый бок телефонного аппарата.

Телефоны завезли вместе с другим оборудованием на туристическом теплоходе «Валерий Чкалов». Начальница узла связи, мельком проверив поступившее на склад оборудование, приступила к традиционной процедуре — осмотру и оценке телефонных аппаратов. От столь приятной процедуры её отвлекла секретарь, прибежавшая с известием, что на узел связи неожиданно пожаловала председатель исполкома. Наспех вскрыв несколько коробок и убедившись, что на этот раз ничего интересного нет, начальница приказала оприходовать товар обычным порядком и поспешила в кабинет встречать высокую гостью.

Так уж повелось в Диксоне, что новая модель телефона на рабочем столе руководителя любого предприятия — частичка общего престижа. Поэтому каждый старался получить что-то оригинальное по своим ведомственным каналам обеспечения. А для невлиятельного в масштабах района узла связи поступление новых телефонов считалось событием особо важным. Многие хозяйственные проблемы между руководителями предприятий решались проще и быстрее, если «русовское» начальство предваряло прошение предложением посмотреть поступившую партию новых телефонных аппаратов. Поэтому телефоны находились на строгом учёте и реализовывались только по личному распоряжению начальника РУС.

Молодой инженер линейно-аппаратного зала получил телефон в подотчёт через месяц после назначения на должность. Аппарат установили на столе дежурного. Классической формы, не отличающийся каким-то особым дизайном, он, тем не менее, понравился всем: компактный, с удобной телефонной трубкой и лёгким ходом номеронабирателя. А главное — насыщенным оранжевым цветом, словно горка спелых мандаринов. Яркий, освещённый лучами полуденного полярного солнца, прорывающимися сквозь тройные оконные рамы, аппарат притягивал взгляд и вызывал именно такие ассоциации. Хотелось прикоснуться к нему, ощутить нечто радостное из прошедшего отпуска или зарядиться теплом до следующего отпускного лета.

Как-то в цех зашла начальница:

— Откуда у вас такой телефон?

— На складе получили.

— Почему я его не видела?

Она немедленно проверила оставшиеся на складе аппараты — оранжевых среди них не нашлось.

На следующий день в цехе установили обычный серый невзрачный аппарат. А «Оранжевый» красовался на столе начальника узла связи. В её уютно обставленном, полном комнатных цветов кабинете он привлекал внимание каждого посетителя. На фоне превалирующего зелёного цвета он казался крупным спелым апельсином. Сама начальница призналась как-то, что сейчас она меньше ощущает усталость от долгой полярной ночи и не так уже нервничает от нерешённых проблем.

Через три года уже не молодой специалист, а заместитель начальника узла связи переступил порог кабинета первого секретаря райкома КПСС. Прибыл на собеседование по случаю избрания его секретарём первичной парторганизации. Зашёл... Что-то родное и близкое привлекло внимание. «Оранжевый!..» На рабочем столе секретаря райкома красовался оранжевый телефон. Он стоял не на низком приставном столике, как все его предшественники, а на самом видном месте. В строгой обстановке партийного кабинета он напоминал не горку мандаринов или апельсин, а кусочек яркого полярного (а может, южного — кому как) солнца.

И в последующие годы приходил в райком молодой секретарь словно на свидание с давним другом. На собеседованиях или на собраниях активы мысленно кивал старому знакомому: «Ну что, „Оранжевый“ (или „Рыжий“, в зависимости от настроения), время идёт, а ты такой же яркий, праздничный и радуешь глаз». И как бы ни заканчивалось лично для него мероприятие, уходил с чувством душевного равновесия.

На одном из совещаний заметил, что на приставном столике разместился новый переговорный комплекс «Элетап-2». «Оранжевый» же,

отключённый от линии, стоял на своём месте. И секретарь райкома, услышав «тиликанье» телефонного звонка, непроизвольно тянулась не к новому чуду телефонной техники, а к стоящему на столе «Оранжевому».

Первый секретарь ушёл в отпуск. Как следствие или независимо от этого события, оранжевый телефон оказался в приёмной. Её хозяйка не была Эллочкой-людоедкой, но заменить старый дисковый аппарат на новомодный кнопочный «Теллур» согласилась. Так «Оранжевый» вернулся на узел связи. В кабинет заместителя начальника узла связи.

Павел Александрович, заместитель начальника Диксонского районного узла связи, стоит у окна своего рабочего кабинета и с двояким чувством наблюдает за веселящейся на снежной горке ребятней. Лучи майского солнца, отражаясь от спрессованного морозами и отшлифованного ветрами снега, слепят глаза. Вспомнил знакомое с детства: «Мороз и солнце; день чудесный!..» Так и радовался бы, любясь обычной зимней ребячьей забавой, если бы... не май месяц. Последний май в их заполярной эпопее. В этом году заканчивается срок очередного трудового договора. Заказывать контейнер, загружать вещи и отправляться домой? И где сейчас их дом — здесь, где по четыре дня «пурга качается над Диксоном», или там, откуда они уехали семь лет назад?

Но в семье считали, что выезд на «материк» необходим. Старшей дочери надо поступать в институт.

Так и закончилась их северная эпопея.

Кстати, будучи в последнем отпуске, он купил и привёз с собой новый телефонный аппарат. Установил его на своём рабочем столе, а «Оранжевый» забрал с собой как приносящий удачу артефакт.